

Федор УЯР,
народный писатель Чувашии

ГОВОРИЯ ОТКРОВЕННО

ЖИВУТ В СТРАНЕ ЧУВАШИ...

ВОЗМОЖНО, ЭТИМ ВЫСТУПЛЕНИЕМ Я ПОВЕРГНУ
В СТРАХ ТЕХ, КТО И БЕЗ ТОГО ПРИВЫК БОЯТЬСЯ.
ДА ПРОСТЯТ ОНИ МЕНЯ ЗА ЭТО, НО МНЕ ВСЕ ЖЕ
ХОЧЕТСЯ ВЫСКАЗАТЬ МЫСЛИ, ЧТО НЕ ДАЮТ ПОКОЯ.

На моей памяти в Самаре была Чувашская школа второй ступени, где в 1927—1930 годах учился и я, мальчишка из низовых чувашей. Среди тех, кто учил нас, были люди, ставшие впоследствии известными всей чувашской интеллигенции: Николай Михайлович Кедров (он учил нас чувашской литературе и языку), автор книг «Будешь почитать родителей, и самому будет хорошо» и «О Японии и японцах»; писатель Влас Захарович Иванов-Паймен, тогда совсем еще молодой человек, он преподавал у нас обществоведение. Остались навечно в памяти учеников и другие щедрые души люди (к примеру, Георгий Васильевич Паллин, проводивший уроки математики как уроки поэзии, и другие).

В те годы культурная жизнь среди самарских чувашей буквально кипела. Люди из народа учились в советских и других школах. Были чувашки и среди слушателей рабфаков, вузов. А наша школа (двуступенчатая учащаяся) являла собой своеобразную маленькую колонию.

Для проживающих в области чувашей в Самаре выходила на их родном языке газета «Колхозник». Одним из ее первых редакторов был наш известный писатель Дмитрий Исеев (Авралья). К сожалению, не достиг-

нув и двадцатипятилетнего возраста, он умер от грозной в то время болезни — чахотки. В редакции «Колхозника», а также по изданию чувашских книг в Самаре работали известные наши литераторы И. Тукташ, Н. Янгас, В. Паймен, И. Викторов, И. Кузнецов-Сенек.

В 1932—1933 годах к перечисленным выше литераторам добавились двое молодых людей, будущие поэты. Это были учившиеся в то время в Самаре Степан Шумков и Владимир Бараев. Свое место в литературе они нашли сразу и заняли его прочно один под именем Стихван Шавлы, другой — Владиваса Бараева-Сркке. Как и многие из чувашей, они взялись за карандаш довольно поздно и спешили постичь все сразу, одновременно. И это им, трудолюбивым старательным парням, во многом удавалось. Хорошо успевая в институте, Шавлы и Сркке находили время работать и в редакции «Колхозника», много читали, писали стихотворения за стихотворением, выступали с ними на вечерах. Стихван Шавлы тогда же сошелся с симпатичной девушкой из Самары, и вместе они прожили долгую жизнь.

Был в Самаре и клуб нацменов (так называли тогда представителей малочисленных на-

родов), где ставились спектакли на многих языках, проводились встречи писателей. В главном книжном магазине города можно было купить и чувашские книги.

Чувашскую секцию в губернском партийном комитете возглавлял Федор Николаевич Сергеев. Я не раз видел его в нашей школе. Он, до революции окончивший Симбирскую чувашскую школу, был дружен с Н. М. Кедровым. Оба высокие, осанистые, они любили поговорить друг с другом. Много позже я узнал, что Федор Николаевич, когда учился в Симбирске, был дружен с автором «Нарспи» Константином Ивановым. Есть у них и совместная фотография. Когда губерния была преобразована в область, в отделе малых народов при облисполкоме семь-восемь лет работал Иван Илларионович Илларионов. По словам очевидцев, он хотя и был хромым, но не оставил в области ни одной волости, ни одного селения, района с чувашским населением, которые бы не посетил.

В Похажистевском, Исаклинском, Челновском, Кошкинском, Сергиевском районах области выходили чувашские газеты. На сельских улицах ве-

черами звучали чувашские песни, работали хоры, драматические кружки. Хор чувашских песен из села Кармало-Аделяково (Сергиевский район) выступал и в Москве.

Культурные очаги чувашей, живущих за пределами республики, подобные самарскому, были и в Ульяновске, Казани, Уфе, где также издавались на родном языке книги, газеты, журналы. Все чувашки и в школе, и дома обходились чувашской речью. (Разумеется, мы изучали и русский, он был для нас вторым родным языком).

Да разве только «провинциальные» города старались вывести Чувашей к свету! В те годы в столице нашей Родины имелись представительства всех народов Советского Союза, действовали культурные центры. Для чувашей всей страны в Москве выпускалась газета «Чувашский крестьянин», переименованная затем в «Коммунар». Вокруг нее объединились видные журналисты и писатели: Г. Молоствовкин, Г. Ломоносов, М. Ечик, И. Тхти, Ап. Федоров, П. Хузангай, Я. Ухсай, А. Талвир и другие. Были у редакции и свои выездные корреспонденты, колесившие по всему Союзу; я не раз встречался в

Ульяновске, с Кузьмой Чувашем.

В то время в Москве было Центральное издательство народов СССР. «Оттиснуть на стане» (так называл изданные типографским способом чувашские книги писатель И. Н. Юркин), они расходились по городам и весям, некоторые из них и по сей день хранятся в моей библиотеке. Вот она, к примеру, поэма С. В. Эльгера «Под гнетом», увидевшая свет в 1931 году. На титульном листе в левом углу имеется надпись: «Старейшему чувашскому журналисту-мастеру «красного смеха» — Ив. Мучи от автора, на память. 30.XI.31 г.». Ивану Мучи было тогда тридцать шесть. А Эльгер назвал его «старейшим»? Разумеется, он имел в виду не возраст, а творчество журналиста. Вот вышедшая в Центриздате в 1930 году отдельной книгой поэма Н. В. Шубосинни «Ергень» (Фаворит). После ареста автора в 1937 году его книги были изъяты из всех библиотек. Из других вышедших в этом издательстве чувашских книг у меня имеются поэмы П. Хузанга «Хури», «Двадцать шесть», пьеса И. Максимова-Кошкинского «Уйчук» (Жертвоприношение). Довелось мне увидеть и прочесть также книги М. Юмана, Ивана Мучи, Н. Васянки М. Данилова-Чалдуна, С. Ялафина, С. Шыпчыка.

Какое же богатство прибавил к мировой культуре темный чувашский народ? У нас не бы-

ло великолепных дворцов, бесчисленных скульптур, картин. Нашим главным достоянием было только то, что чувашки сохранили себя как народ. И язык, сбереженный в глубине сердец, песни, сказания, передаваемые из поколения в поколение, — разве этого мало?

Октябрьская революция пробудила народы России от вечного сна. Кто из чувашей мог учиться до революции? Конечно, выходцы из имущих. Или такие таланты-фанатики, как Иакинф Бичурин, Иван Яковлев, Никифор Охотников. Дети богатых, просидев на школьных скамьях не одни штаны, становились дьяками, учителями, кому-то, возможно, из сотни посчастливилось выбиться в священники, но выше этого «чина» они не поднимались.

Я пишу о том времени, когда сам учился в пятом классе. Это была замечательная пора в нашей жизни. Исполнилось десять лет Октябрьской революции. Те годы в чувашских селениях я бы назвал временем великого подъема. Люди потянулись к свету, как тянется к солнцу только что пробившаяся по весне зеленая травка. Об этом говорят и названия вышедших тогда книг: «Учитесь», «Вперед», «К свету», «По пути Ленина». И, верно, учились все: взрослые — в пунктах ликбеза, молодые и дети — в школах, на различных курсах, в кружках. Забитый, нищий народ воспрянул духом, вырвался на свободу, словно вода, прорывающаяся плотину. Пути-дороги

были открыты во все стороны. Сумеешь — становишься хоть министром. Открывались новые клубы, избы-читальни, школы, газеты, журналы. Мы вечерние деревенские мальчишки, в центре Самары учились в чувашской школе. В клубе малочисленных народов в Самаре, находившемся на самой красивой улице города, каждую зиму ставили не менее двух-трех чувашских спектаклей.

Но еще более чувствовались жизненные перемены на селе.

Номера журналов «Голос трудящихся», «Сунтал» (Наковальня), «Капкан», которые мы привозили с собой, в течение нескольких дней прочитывались нами всей деревне — их передавали из рук в руки, а возвращались они к нам зачитанными до дыр. Мы заучивали наизусть стихи, рассказы и читали их по вечерам нашим усталым матерям, возвращавшимся с поля. Один из моих друзей, Григорий Егоров, хорошо зная русский, от начала до конца выучил роман «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Мы считали русский язык основным из предметов. На его изучение в школе отводилось восемь часов в неделю, для изучения родного языка и литературы — в два раза меньше, потому что родной язык нам, чувашам, давался гораздо легче: ведь он впитывался с молоком матери. За три-четыре года учебы мы уже свободно говорили, читали, писали и по-русски, и по-чувашски.

Для тех, кто был старше нас,

это славное время пробуждения, пожалуй, продлилось дольше — лет на десять. И тут все-таки народный подъем потихоньку начал гаснуть. Сталин и его приспешники начали сортировать народы Советского Союза в угоду своей идеологии. Одна из наций признавалась великой, другие относились к средним, третьи — к малым или малочисленным народам. Удел средних и малых — это как можно скорее присоединиться к великому и раствориться в нем. Чтобы ускорить сей «прогрессивный» процесс, малые народы должны были отказываться от своего языка и обычаев, принять культуру главной нации. Звучали призывы: опасаться тех, кто любит свой (малый) народ, пишет о нем, ратует за него. Таких людей стали считать националистами, врагами.

...Первой в области была закрыта Самарская чувашская школа, готовившая учителей для чувашских сел и деревень. Затем было закрыто чувашское отделение Подбельского педагогического техникума (в Самарской области). Вскоре настала очередь чувашских педагогических техникумов в Казани и Ульяновске.

К сожалению, в подобных мероприятиях чувашки всегда оказывались впереди.

Позднее, когда начался массовый перевод чувашских школ на обучение по русским программам, районные власти Самарской области придумали для этого целый ряд причин. Яко-

бы сельские жители сами не желают учить своих детей по-чувашски, к тому же нет и учителей, а вообще-то, мол, районы тут ни при чем, ведь «сверху так приказано», к тому же, будто бы, руководители области этот вопрос согласовали с деятелями Чувашской республики и нашли с ними общий язык.

Тут сразу возникают вопросы: если чувашки и в самом деле сами не хотели обучать своих детей родному языку, то зачем же понадобилось руководству области обсуждать эту проблему с Чувашской республикой? Зачем понадобилось ее согласие?

И еще: могло ли руководство Чувашской республики (обком КПСС и Президиум Верховного Совета) пойти против намерения Кужбшевского обкома? Разумеется, нет. Если бы в те годы со стороны нашей республики была сделана попытка вмешаться в судьбу чуваш, живущих в другой области, как-то помочь им, Москва тотчас зачислила бы лидеров Чувашии в разряд националистов.

То, что чувашки не хотели обучать своих детей родному языку, — чистейшая неправда. Конечно, находились в народе и такие, кто рассуждал примерно так: нас все равно затмят большая нация, так что нечего и рыться с родным языком. Другие высказывались еще определеннее: «Мы все равно должны стать русскими». Жаль, что чувашки так и не научились уважать и ценить себя. Раньше они целыми селениями принимали ислам, выезжали на туретчину. И до сих пор смотрят по сторонам, выискивая, куда бы, под чьи знамена встать, чтобы быть счастливыми?

Какой народ легче заста-

вить забыть родной язык? Тот, который не знает своей истории, не осознал своего места в обществе. Это хорошо чувствовали идеологи не только во времена Сталина, но и Хрущева, Брежнева. Потому и перевели чувашки и другие такие же народы на обучение по русским программам. И вот результаты этих тридцатилетних усилий: из более чем восьмисот тысяч чувашек, живущих за пределами республики, 85 процентов не умеют ни читать, ни писать на родном языке.

А что станет еще через двадцать-тридцать лет? Остается лишь утешить самих себя тем, что чувашки в основе своей испокон веку почитали родной язык, почитают его и сейчас. Тому же учат многие и детей своих. «Добрые кони проедут — след остается, а что же останется от нас? Язык, на котором молятся слово, вот что останется», — пели в старину чувашки.

От человека, пренебрегающего родным языком, можно ожидать чего угодно. Сегодня он стыдится говорить по-чувашски, завтра, случись что, и — по-русски... «Он уже теперь ни вам, ни нам не родня, ни с кем не говорит по-чувашски», — говорили про таких людей чувашки. — Он для всех чужой. Чужак». А настоящий интеллигент прекрасно говорит, пишет и по-чувашски, и по-русски. Ему подвластны и другие языки. Взять, к примеру, первого академика из чуваш Волкова Геннадия Никандровича или профессора Федотова Михаила Романовича, знающих по несколько языков.

...Со «старателями», стремящимися пресечь обучение детей на чувашском языке, мне не раз доводилось встречаться в Самарской области. Кто же

это такие, почему им нужно «выкорчевать» язык? Ведь тогда исчезнет и народ, горюющий на нем. Чем они руководствуются? Не стремление ли как можно скорее заставить говорить всех на одном языке? Чтобы повсюду росли только одни деревья и никакие другие? В лесах, полях, на селе, в городе, на Камчатке, в Крыму — все одинаковое, одного цвета, одного запаха... А не слишком ли скучно станет жить такой жизнью?

Как же происходило на практике отлучение от родного языка в школах Самарской области? Кто его проводил? Разумеется, в первую очередь директора школ и заведующие учебной частью. Прежде всего в эту «кампанию» включались те, кто едва-едва держался на своих постах. Двух таких «борцов» я знаю достаточно хорошо. Один из них — бывший директор Рысайкинской школы Похвистневского района Яковлев, другой — завуч Новоганькинской средней школы Исаглинского района Петров.

Рысайкино — древнее чувашское село. Сколько себя помню, жители его оставались некрещеными чувашами, соблюдающими старинные обычаи. Село как бы разделилось на две противоборствующие стороны: на одной — «истинные чувашки» (так называли себя некрещенные), на другой — не владеющий толком ни чувашским, ни русским языком Яковлев (зато хорошо улавливающий, куда дует ветер). Он не раз собирал в школу родителей учащихся, но едва речь заходила о прекращении обучения на родном языке, те или уходили с собрания, или голосовали против. Тогда Яковлев взялся обрабатывать их поодиночке, пошел по домам. Угово-

рил одного — тут же заставил расписаться в заранее подготовленном списке, за другого сам подмахнет, третьего берет на испуг... Так, «по просьбе» родителей умолял нас не поднимать этого вопроса. При этом к тем оговоркам, которые уже приводились выше, добавлялись новые: и преподавать чувашский сейчас в школах некому (видимо, позабыли, как закрыли чувашское отделение в педучилище), к тому же, мол, резко увеличится общее количество уроков (чем основательно запугали родителей), хотя в действительности число уроков оставалось бы на прежнем уровне.

Еще одно возражение районных аппаратчиков: изучение чувашского языка, якобы, помещает детям при поступлении в вузы. Но ведь и это сушая неправда, а если сказать резче — просто клевета. Ведь до изгнания чувашского языка из школ не наблюдалось ничего подобного. Тот, кто хорошо знал чувашский, прекрасно владел и русским, успевал и по иностранному языку. Тому, кто хотел учиться, знание чувашского расширяло кругозор, помогало в учебе. Не зря же говорил наш выдающийся просветитель И. Я. Яковлев, что у знающего один язык — один ум, у знающего два языка — два ума. Кто посещал школу только по настоянию родителей, тот не хотел учить не только чувашский, ни и по русскому языку получал один «неуд». А заканчивалось тем, что его отчисляли за неуспеваемость. Была у таких учеников и своя клечка — балласт. Они не учились сами и мешали другим. (В годы моей учебы, правда, нежелющих учиться никто не загонял в школу силой).

Просто поразительно: в исконно чувашском селе не хотят учить детей языку почти двухмиллионного народа. Неужто нам не стыдно и не горько от этого? Если вымрет, то 15 процентов населения области, которое может писать и читать на родном языке, вообще порвется одна из главных нитей, которая связывает здешних людей с культурой чувашского народа. Разве это не трагический сигнал, что сохранившийся на протяжении веков (а, может, и тысячелетий) чувашский язык сегодня на грани исчезновения?

Когда мы, чувашские писатели, во время своей поездки по

Похвистневскому и Исаглинскому районам заводили речь о том, чтобы включить уроки чувашского языка в школьную программу, районские руководители умоляли нас не поднимать этого вопроса. При этом к тем оговоркам, которые уже приводились выше, добавлялись новые: и преподавать чувашский сейчас в школах некому (видимо, позабыли, как закрыли чувашское отделение в педучилище), к тому же, мол, резко увеличится общее количество уроков (чем основательно запугали родителей), хотя в действительности число уроков оставалось бы на прежнем уровне.

Еще одно возражение районных аппаратчиков: изучение чувашского языка, якобы, помещает детям при поступлении в вузы. Но ведь и это сушая неправда, а если сказать резче — просто клевета. Ведь до изгнания чувашского языка из школ не наблюдалось ничего подобного. Тот, кто хорошо знал чувашский, прекрасно владел и русским, успевал и по иностранному языку. Тому, кто хотел учиться, знание чувашского расширяло кругозор, помогало в учебе. Не зря же говорил наш выдающийся просветитель И. Я. Яковлев, что у знающего один язык — один ум, у знающего два языка — два ума. Кто посещал школу только по настоянию родителей, тот не хотел учить не только чувашский, ни и по русскому языку получал один «неуд». А заканчивалось тем, что его отчисляли за неуспеваемость. Была у таких учеников и своя клечка — балласт. Они не учились сами и мешали другим. (В годы моей учебы, правда, нежелющих учиться никто не загонял в школу силой).

Просто поразительно: в исконно чувашском селе не хотят учить детей языку почти двухмиллионного народа. Неужто нам не стыдно и не горько от этого? Если вымрет, то 15 процентов населения области, которое может писать и читать на родном языке, вообще порвется одна из главных нитей, которая связывает здешних людей с культурой чувашского народа. Разве это не трагический сигнал, что сохранившийся на протяжении веков (а, может, и тысячелетий) чувашский язык сегодня на грани исчезновения?

Когда мы, чувашские писатели, во время своей поездки по

Вот цифры, показывающие подлинную картину с поступлением в вуз. За четыре года нашу чувашскую школу второй ступени в Самаре окончили 84 ученика. Из них 45 (заметьте более половины!) поступили в вузы. Теперь другой пример. — это уже после отлучения школ от чувашского языка. В 1988 году Новоякушинскую среднюю школу Исаглинского района Самарской области окончили 15 учеников и только четверо из них поступили в вузы. Из выпускников 1989 года не поступил никто. В 1990 году аттестаты получили 12 юношей и девушек, а в институты прошли по конкурсу трое. Не лучше показателю и у Новоганькинской средней школы. 1988 год: 14 — 1, 1989 год: 11—3; 1990 год: 4—1.

Закрытие Самарской чувашской школы и чувашского отделения Подбельского педтехникума ничем оправдать нельзя. Как и закрытие выходившей в Самаре в 1929—1938 годах чувашской газеты. Как было уже сказано, издавались в Самаре и чувашские книги, печатание которых тоже прекратили. Книжные магазины перестали торговать литературой для нерусских народов, закрылся в Самаре и клуб «малочисленных народов». В нескольких районах области в те годы выходили чувашские газеты, они тоже давно прекратили свое существование (правда, отчасти из-за отсутствия кадров). «Что же еще осталось у нас закрыть, прекратить, изгнать?» — невольно шутят мои земляки.

Были закрыты чувашские издания в Москве, Казани, Уфе, Ульяновске.

125 тысяч чувашек живут сегодня в братской Башкирии.

До войны здесь работал передвижной чувашский театр. Закрыли и его. Был чувашский театр и в Татарии, его тоже нет давным-давно.

В конце концов невольно возникает вопрос: почему наши государственные руководители стремятся во что бы то ни стало «обрусить» нас? В годы Сталина, Хрущева, Брежнева, сжав зубы, приходилось мириться с этой политикой. А вот сегодня мириться не хочется.

Надеюсь, читатель не пенял мою мысль: живущие на селе дети в первую очередь должны учиться читать и писать по-чувашски. А если обучение русскому языку, мне кажется, можно и параллельно с чувашским, не проявляя к последнему пренебрежения. В программе средней школы непременно должны быть уроки чувашского языка и литературы.

А пока что учащимся чувашских сельских школ Самарской области из года в год внушается мысль о всенепременной необходимости знания только одного — русского языка. Родной язык из стен школ изгоняется начисто. Говорить на уроках рекомендуется только по-русски. На вопросы, заданные учеником по-чувашски, учителя не отвечают. Плохо владеющие русским языком или робкие по натуре дети надолго умолкают. Я говорил с окончившими среднюю школу молодыми людьми. Ни читать, ни писать по-чувашски не умеют, не лучше овладели и русским. Оторвались от одного берега и не пристали к другому. Во всяком случае, для своего народа они уже отрезанный ломоть.

На мою просьбу поговорить с младшеклассниками в деревнях Два Ключа и Сужари-Матак

Исаглинского района Самарской области учителя снисходительно согласились, только просили не говорить детям, что учителя у них тоже чувашки. О том, как загорелись ребятами глазки после первых же моих слов на чувашском языке и как они заулыбались, как просияли их лица, можно и не говорить, это понятно и так.

Если в застойные годы руководители Чувашской республики в целях самозащиты или в пылу усердия перед вышестоящими организациями делали вид, что ни сном, ни духом не ведают о земляках, компактно проживающих за пределами Чувашии, то сейчас наши соплеменники сами то и дело обращаются в Чебоксары со своими нуждами: нет у них учителей родного языка, культурных клубов и библиотек и т. п. Когда укрупнялись колхозы, в одно хозяйство старались объединить чувашек, мордву и русских или татар, русских и чувашек. И колхозники друг с другом могли общаться только на русском языке.

Чтобы обеспечить национальными кадрами земляков, живущих за пределами Чувашии, Министерству народного образования нашей республики следовало бы ускорить (с помощью Московского научно-исследовательского института национальных школ) разработку программ для чувашских школ. Кроме того, Министерство должно быть заинтересовано и в подготовке учителей для чувашских школ за пределами республики.

Оставить же все как есть, мириться с существующим положением — значит сотворить большое зло.